

Евгений Поздеев

Зов зоны: Дыхание тьмы

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Евгений Поздеев

Зов зоны: Дыхание тьмы

«Автор»

2026

Поздеев Е.

Зов зоны: Дыхание тьмы / Е. Поздеев — «Автор», 2026

Зона не прощает ошибок. Она забирает лучших. Чайка знала это, когда шла за Скарсом в самое сердце аномалии. Но она не знала, что Зона умеет говорить — голосами тех, кого они потеряли. Первоисточник просыпается. Аномалии ползут к Киеву. Старые враги вынуждены объединиться, а мёртвые возвращаются, чтобы закончить незавершённые дела. Скар, Чайка, Филин, Коршун и загадочный Пастырь спускаются туда, откуда никто не возвращался. Их ждут не мутанты и не пули. Их ждёт выбор: пожертвовать собой или смотреть, как Зона поглощает всё живое. Но когда зовут голоса тех, кого ты любил, — как устоять? И как отличить правду от лжи, если ложь звучит голосом твоего брата? «Дыхание тьмы» — вторая книга цикла «Зов Зоны». Продолжение истории о людях, которые нашли свой дом там, где другие находят только смерть

© Поздеев Е., 2026

© Автор, 2026

Евгений Поздеев

Зов зоны: Дыхание тьмы

Пролог. Голос из глубины

Тьма не была пустой. Она была живой. Чайка поняла это не сразу — сначала пришёл звук. Не шёпот и не вой, а низкая, глубинная вибрация, которая проходила сквозь кости, сквозь мышцы, сквозь самую суть, добираясь до того места, где пряталась душа — если она вообще была у тех, кто слишком долго жил в Зоне.

Она лежала на боку, сжавшись в позу эмбриона. Где — неизвестно. Когда — неизвестно. Реальность распалась на отдельные ощущения, как старая мозаика, из которой выпали все цветные камни, оставив только серую, холодную основу. Холод. Вот что осталось. Не тот зимний мороз, когда можно надеть второй свитер или завернуться в спальник. Другой холод. Внутренний. Он заползал под кожу, под мышцы, под кости и оставался там — пульсировал, как второе сердце, как зародыш, как обещание смерти.

Чайка попыталась вспомнить, как оказалась здесь. В голове — пустота. Обрывки: палатка на Кордоне, треск радиоактивного счётчика, лицо Скара перед сном — усталое, с чёрными кругами под глазами. Потом — сон. Но это был не обычный сон, не тот мутный поток образов, который приходит, когда мозг перерабатывает дневные впечатления. Это было что-то другое. Реальное. Осязаемое. Она чувствовала чужое присутствие — огромное, древнее, бесконечно уставшее, как сама Зона после тридцати лет жизни.

«Чайка... Чайка... ты слышишь меня?»

Голос. Мужской. Молодой. Знакомый до боли в груди — той самой боли, которая не лечится ни промедолом, ни временем, ни новой любовью. Она знала этот голос лучше, чем свой собственный. Слышала его в детстве, когда он читал ей сказки на ночь. Слышала в отрочестве, когда он защищал её от дворовых хулиганов. Слышала в юности, когда он отговаривал её ехать в Зону — и не отговорил.

«Это я... я здесь... я не ушёл...»

— Брат? — прошептала она.

Язык прилип к нёбу, горло пересохло, как пустыня Каракумы, где она никогда не была, но почему-то хорошо представляла этот звонкий, раскалённый воздух. Она попыталась пошевелиться — и не смогла. Тело не слушалось. Будто кто-то тяжёлый и невидимый лежал на ней, прижимал к земле, пересчитывал рёбра. Она вспомнила: так бывает при сонном параличе, когда сознание уже проснулось, а тело ещё спит. Но это был не сонный паралич. Это была Зона. Зона держала её.

«Я не мог уйти, не попрощавшись. Ты должна знать правду».

— Какую правду?

Голос не ответил. Вместо этого тьма начала светлеть. Не рассветом — рассвет бывает розовым, золотым, тёплым, пахнет сырой землёй и дымом костров. Этот свет был другим. Белым. Холодным. Слепящим. Он исходил не из одного источника, а отовсюду сразу — из стен, из пола, из воздуха, из самого пространства, которое вдруг стало плотным, осязаемым, как кисель. Чайка зажмурилась, но свет проникал сквозь веки, рисовал на внутренней стороне век кроваво-красные узоры. Она чувствовала его физически — как покалывание в глазах, как давление на зрительный нерв, как чужую волю, которая пыталась пробиться в её сознание.

Она открыла глаза. Коридор. Длинный, бесконечный, уходящий в обе стороны настолько далеко, что горизонт терялся в серой, зыбкой дымке. Стены — бетонные, старые, покрытые сетью трещин, похожих на высохшие реки на спутниковых снимках. Из трещин сочилась влага. Тёплая. И пахла она кровью — той самой, сладковато-металлической, которую невозможно спутать ни с чем. Чайка стояла босиком на холодном полу. Она не помнила, когда разулась. Не

помнила, как оказалась здесь. Не помнила даже, какой сегодня день — и есть ли вообще дни там, где солнце не вставало уже тридцать лет.

Она опустила взгляд на свои ступни. Пальцы были бледными, почти синими, ногти — обломанными. Пол был кафельным, старым, советским — такая плитка когда-то лежала в её школьной столовой. Серая, в мелкую крапинку. Сейчас она была покрыта тонким слоем чёрной маслянистой жидкости, которая медленно пульсировала, как будто под полом билось живое сердце.

«Иди», — сказал голос брата.

— Куда?

«Вперёд. Я покажу тебе дорогу. Я всегда тебе показывал, помнишь?»

Она пошла. Не потому, что хотела. Потому что не могла не идти. Ноги двигались сами, не слушаясь, не спрашивая разрешения. Это было похоже на то чувство, когда стоишь на краю обрыва и тело само тянется вперёд, к пропасти — древний, животный зов смерти, который просыпается в самых опасных местах. Чайка пыталась остановиться — напрягала мышцы, сжимала кулаки, кусала губу до крови. Бесполезно. Ноги шли.

Ступни прилипали к полу, оставляя влажные отпечатки, которые тут же затягивались чёрной, маслянистой плёнкой. Чайка смотрела на свои следы — они тянулись за ней, как обвинение, как напоминание, как цепь, которая приковала её к этому месту. Каждый шаг давался тяжелее. Воздух становился плотнее, спёртее, будто кто-то сжимал грудную клетку изнутри. В ушах появился низкий гул — тот самый, который она слышала в самом начале. Но теперь он стал громче, чётче, осязаемее. Он не был звуком в привычном смысле. Он был мыслью. Чужой мыслью, которую она не могла не слышать.

Коридор расширился. Зал. Огромный, круглый, с куполообразным потолком, уходящим вверх, в непроглядную черноту, где не было ни звёзд, ни труб, ни паутины кабелей — только пустота, которая смотрела вниз. Чайка подняла голову. Чернота казалась живой — она стучалась, разбегалась, собиралась в причудливые узоры, похожие на лица. Чайка всматривалась, пытаясь разглядеть знакомые черты — мать, отец, брат. Но чернота оставалась чернотой. Пустотой. Обещанием.

Стены покрывали панели из чёрного полированного камня. Камень блестел — отражал свет, создавая бесконечные, уходящие вглубь коридоры отражений. Чайка подошла к стене. Камень был холодным — таким холодным, что от прикосновения защищало пальцы. Но холод был не физическим. Он проникал внутрь, в кости, в суставы, в самую душу.

В этих отражениях Чайка видела себя. Сотни, тысячи своих копий. Они стояли в бесконечных залах, каждая — в той же позе, с теми же расширенными зрачками, с той же каплей пота на виске, которая никак не хотела падать. Но глаза у копий были пустыми. Мёртвыми. Не потому, что они не видели — потому, что им нечем было смотреть. Чайка поднесла руку к лицу. Отражение повторило жест. Но на долю секунды позже. С задержкой. Как будто отражения жили своей жизнью.

Одна из копий — та, что стояла ближе всех — улыбнулась. Чайка отшатнулась. Копия продолжала улыбаться — криво, неестественно, будто кто-то в первый раз учил её, как двигать уголками губ. Улыбка не доходила до глаз. Глаза оставались пустыми. Мёртвыми.

«Ты боишься себя», — сказал голос брата. Он звучал отовсюду — из стен, из пола, из воздуха, из самой темноты под потолком.

— Я боюсь не себя, — ответила Чайка. — Я боюсь того, кем я могу стать.

«А кем ты можешь стать?»

— Тобой, — прошептала она.

Голос замолчал. Чайка пошла дальше, стараясь не смотреть на отражения. Но они смотрели на неё. Тысячи пар пустых, мёртвых глаз следили за каждым её шагом, за каждым дви-

жением, за каждым вздохом. Она чувствовала их взгляды — холодные, тяжёлые, липкие. Они давили на спину, на затылок, на плечи, заставляя сутулиться, сжиматься, становиться меньше.

Воздух в зале стал плотным, спёртым. Каждый вдох давался с трудом, будто кто-то сжимал грудную клетку изнутри. Пахло озоном — после грозы, но гроз в Зоне не бывает. Только аномалии вроде «разрядов» и «смерчей», которые разрывают воздух на части. Чайка знала этот запах — запах близкой аномалии, запах смерти, которая подкрадывается незаметно и бьёт наверняка.

В центре зала пульсировало оно.

Чайка знала «Сердце». Видела его однажды — огромный тёмно-красный кристалл с золотыми прожилками, похожий на застывший сгусток крови. «Сердце» было красивым. Опасным. Но понятным. Это было другим.

Жидким. Текучим. Чёрным, как сырая нефть, которую она видела на фотографиях разливов в новостях — будто сама земля истекла кровью. Золотые прожилки пульсировали в такт чему-то огромному и древнему, пульсировали, как вены, как артерии, как пуповина, соединяющая этот мир с другим. Оно дышало. Оно жило. Оно смотрело на неё — хотя у него не было глаз. Была только сосущая пустота, от которой сводило живот, немели пальцы, а в ушах возникал тот самый низкий, проникающий всюду звук, от которого хотелось кричать.

«Первоисточник», — сказал голос брата.

— Что это? — спросила Чайка.

Голос дрожал. Она не стыдилась этого страха. В Зоне стыд — роскошь, которую могут позволить себе только мертвецы. Чайка прожила в Зоне достаточно долго, чтобы понять: страх — это не слабость. Страх — это инструмент. Он обостряет чувства, заставляет думать быстрее, двигаться осторожнее. Но сейчас страх был другим. Он парализовал. Он лишал воли. Он превращал её в куклу, в марионетку, в игрушку в руках того, кто смотрел на неё из чёрной пульсирующей массы.

«То, что было до „Сердца“. То, что создало Зону. То, что теперь хочет её уничтожить».

— Зачем?

«Потому что оно устало. Оно спит тридцать лет. Оно видело сны. Страшные сны. Сны о смерти, о боли, о крови. Оно хочет проснуться. И когда оно проснётся...»

— Что тогда?

Голос не ответил. Вместо него заговорил Первоисточник. Не голосом — вибрацией. Она прошла сквозь Чайку, как поезд дальнего следования проходит сквозь спящий город — не спрашивая, не замечая, не жалея. Ноги подкосились. Она упала на колени. Ладони ударились о холодный каменный пол, по которому бежали тонкие золотые нити, как кровеносные сосуды.

«Ты — ключ», — сказала вибрация. Или мысль. Или истина, которую невозможно опровергнуть. «Твоя кровь — ключ. Твой брат мёртв, но он живёт в тебе. Я чувствую его. Я знаю его. Он мой».

Чайка попыталась встать. Ноги не слушались. Колени дрожали, руки тряслись, по спине текла струйка холодного пота. Она чувствовала каждую клетку своего тела — и каждая клетка знала: он прав. Брат был частью Зоны. Он вошёл в неё добровольно, чтобы спасти её, Чайку, от смерти. И теперь его голос звучал из этой чёрной массы — тёплый, родной, живой.

— Он не твой, — прошептала Чайка.

«Он — часть Зоны. Как и ты. Как и все, кто пришёл сюда. Вы не можете уйти. Вы никогда не сможете уйти. Я не отпущу».

Чайка закричала. Не от боли — от ужаса. От той ледяной определённости, с которой Первоисточник произнёс эти слова. Она кричала, и крик отражался от чёрных стен, множился, возвращался чужими голосами — мужскими, женскими, детскими. Голосами тех, кто остался здесь навсегда. Тех, кто пришёл раньше неё. Тех, кто искал «Сердце». Тех, кто пытался уничтожить Зону. Тех, кто поверил обещаниям и заплатил за это самую высокую цену.

«Иди ко мне», — сказал Первоисточник. В его вибрации не было жестокости. Было только спокойствие. Спокойствие могилы. «Приди. Я покажу тебе правду. О тебе. О твоём брате. О том, что будет с тобой, если ты откажешься».

Чайка поднялась на ноги. Сделала шаг. Второй. Третий. Перед ней, прямо в воздухе, начали появляться картины. Как старый чёрно-белый фильм, который крутят на замедленной скорости — ровно настолько, чтобы успеть разглядеть каждую деталь и возненавидеть её.

Она увидела себя. Старую. Седую. Сгорбленную. Сидящую у окна на Кордоне — того самого, в котором когда-то кипела жизнь, торговали артефактами, спорили о политике и пили водку под гитару. Теперь окно было запylённым, за ним — серая, мёртвая пустота. Рядом — никого. Тишина. Пустота. Забытьё.

Скар? Его нет. Он ушёл. Или умер. Или забыл. Всё равно. Филин пропал в одной из ходок. Велес растворился в лесу, как старый туман. Коршун... Коршун даже не приснился ни разу.

«Если ты откажешься, ты останешься одна. Все, кого ты любишь, уйдут. Сначала Скар. Потом Филин. Потом Велес. Потом Коршун. Ты будешь ждать их на Кордоне, смотреть в сторону Зоны, но они не вернутся. Никогда».

Чайка смотрела на картину. Старуха на том берегу экрана была ею — в этом не было сомнений. Те же глаза, тот же разрез бровей, те же морщинки в уголках губ, которые появлялись, когда она улыбалась. Но сейчас старуха не улыбалась. Она смотрела в окно пустыми, выцветшими глазами, и в них не было ничего. Ни надежды. Ни страха. Ни боли. Только пустота.

— Нет, — сказала Чайка.

Но голос её сорвался, превратился в хрип. Потому что в глубине души она знала — это не угроза. Это предсказание. Зона всегда забирала тех, кто ей нравился. Скар был сильным — слишком сильным, чтобы умереть легко и быстро. Но и слишком слабым, чтобы уйти навсегда. Филин был молодым — молодым и горячим, таким, какие долго не живут в Зоне. Велес был старым — старые уходят тихо, незаметно, растворяются в лесу, как утренний туман. Коршун... Коршун уже был мёртв. Просто ещё не знал об этом.

«Если ты придёшь ко мне, ты спасёшь их. Всех. Скара, Филина, Велеса, Коршуна. Даже Пашку, хотя ты его ещё не знаешь. Я дам тебе силу. Я дам тебе власть. Я дам тебе то, о чём ты мечтала — вернуть брата».

— Вернуть? — переспросила она, и в голосе впервые за долгое время появилась надежда. Опасная, запретная, которая в Зоне убивает быстрее пули. — Это возможно?

«В Зоне всё возможно».

Чайка замерла. Рука её была уже протянута к чёрной пульсирующей массе. Ещё шаг — и она коснётся. Ещё шаг — и всё изменится. Воздух стал густым, как патока, каждый вдох давался с трудом. Где-то на грани сознания она слышала собственное сердце — оно билось слишком часто, слишком громко, слишком живо. Золотые прожилки Первоисточника вспыхнули ярче, и по залу прошла ударная волна — жаркая, пахнувшая серой и горелым пластиком.

Она почти коснулась.

— Не смей.

Голос был громким, жёстким, командирским. Голосом, который не терпел возражений — потому что тот, кому он принадлежал, слишком часто видел смерть, чтобы бояться спорить. Чайка узнала его. Скар. Она обернулась.

Он стоял в дверях зала — грязный, уставший, с автоматом в руках. Автомат был старым, потёртым, с синей изолентой на цевье — тем самым, который прошёл с ним Афган, Чечню, Зону. Лицо бледное, под левым глазом — свежий синяк, губа рассечена. Но глаза горели. Тем самым огнём, который она видела в Афгане, в Чечне, в Зоне. Огнём того, кто никогда не сдаётся — даже когда сдаваться было бы разумно.

С разгрузки его свисала пустая фляга, правая штанина была порвана и пропитана грязью — он шёл долго, не останавливаясь. Может, бежал. Может, полз. Не важно. Он был здесь.

Чайка смотрела на него и не верила своим глазам. Скар был реален — она чувствовала это. Он стоял в трёх метрах от неё, тяжело дышал, сжимал автомат. На его лице застыло выражение, которое она знала слишком хорошо — смесь ярости и страха, отчаяния и надежды, любви и ненависти. Он смотрел на неё так, как смотрел в Афгане, когда вытаскивал раненых из-под огня. Как в Чечне, когда прикрывал отход товарищей. Как в Зоне, когда они впервые встретились на Кордоне, и он сказал: «Не ходи туда. Там смерть».

— Скар? — прошептала она. — Как ты...?

— Ты кричала во сне, — ответил он.

Голос его был ровным, спокойным — таким спокойным, что становилось страшно. Потому что настоящий страх у Скара всегда скрывался за этой маской. Чайка знала его достаточно хорошо, чтобы видеть: под маской спокойствия бушует буря. Он боится. Не за себя — за неё.

— Я услышал. Вошёл в твой сон. Или он вошёл в меня.

Он сделал шаг вперёд, сокращая дистанцию. Ботинки скрипнули по каменному полу — этот звук показался Чайке самым реальным из всего, что она слышала за последние минуты. Не важно, где мы, — подумала она. — Важно, что мы вместе.

— Не слушай его, — сказал Скар. — Он врёт.

«Я не вру», — сказал Первоисточник.

— Ты врёшь, — повторил Скар, и в его голосе впервые появились стальные нотки. — Ты не можешь вернуть мёртвых. Ты можешь только создать их копии. Пустые оболочки. Тела без душ.

«А какая разница? Она будет счастлива».

— Нет, не будет.

Скар подошёл к Чайке, взял её за руку. Ладонь его была горячее, шершавой, живой — с мозолями от приклада, со шрамами от осколков, с той особенной теплотой, которую не может подделать ни одна аномалия.

— Потому что она будет знать, что это подделка. И это убьёт её медленнее, чем любая пуля.

Чайка смотрела на него. На его руку, сжимающую её ладонь. На его глаза, в которых не было страха. Только усталость. И любовь. Та самая, которую он никогда не умел выражать словами — только делом. Только присутствием. Только тем, что был рядом, когда весь мир говорил «беги».

Она вспомнила их первую встречу — грязный вагончик на Кордоне, запах махорки и керосина, его хмурое, обветренное лицо. «Ты кто?» — спросил он. «Журналист», — ответила она. «Здесь не место журналистам», — сказал он и отвернулся. А потом случилось то, что случается в Зоне: они попали в засаду, он прикрыл её собой, получил пулю в плечо, и с тех пор они были вместе — через смерть, через боль, через отчаяние.

— Скар, — сказала она. — А если он говорит правду? Если я могу спасти вас всех?

— Мы не хотим, чтобы ты спасала нас ценой себя, — ответил Скар. — Мы хотим, чтобы ты была рядом. Живая. Настоящая.

— А если я останусь — вы умрёте?

— Все когда-нибудь умирают, — сказал Скар. — Но если ты уйдёшь — мы умрём раньше. От тоски.

Он потянул её за руку. Резко, настойчиво, не давая времени на раздумья. Чайка чувствовала, как дрожат его пальцы — мелко, судорожно, как у человека, который держит в руках чужую жизнь и боится её выронить.

— Идём. Просыпайся.

Чайка сделала шаг назад. Второй. Третий.

Первоисточник загудел. Не так, как раньше — не низко и ровно, а требовательно, угрожающе, как раненый зверь, который загнан в угол и готов рвать зубами всё, до чего дотянется. Золотые прожилки полыхнули ослепительной вспышкой — такой яркой, что даже сквозь закрытые веки стало больно. По залу прошла ударная волна — жаркая, пахнувшая серой и горелым мясом.

«Ты пожалеешь», — сказал он. Или не он — само пространство сжалось и выдохнуло эту угрозу. «Ты вернёшься. Они все вернутся. Я — начало. Я — конец. Я — Зона».

— Ты — не Зона, — ответил Скар.

Он говорил спокойно, но Чайка чувствовала, как дрожит его рука. Не от страха — от напряжения. От того, что он готов был сделать что угодно, лишь бы вытащить её отсюда.

— Ты — её болезнь. А я знаю, как лечить болезни.

Он рванул Чайку на себя — и тьма взорвалась светом.

Она проснулась в холодном поту.

Палатка. Старая, драная, с пятнами плесени на брезенте. Свет просачивался сквозь щели — серый, предрассветный, ничего не обещающий. Пахло керосином, махоркой и прелой листвой. Чайка села на спальном мешке, пытаясь отдышаться. Сердце колотилось где-то в горле, в висках стучало, перед глазами всё плыло.

Рядом сидел Скар. Уже одетый, с автоматом на груди. Под глазами — чёрные круги, на лбу — капелька пота. Он не спал всю ночь. Смотрел на неё.

— Сколько я спала? — спросила Чайка.

Голос был хриплым, чужим. Будто она не говорила несколько дней.

— Всю ночь, — ответил Скар. — Кричала. Металось.

— Что я кричала?

— «Брат». И «Первоисточник».

Он помолчал. Где-то за стенкой палатки кто-то кашлянул — сухо, надрывно, по-сталкерски.

— Тебе приснилось то же, что и мне?

Чайка потёрла лицо. Ладони были холодными и влажными.

— Мне приснился зал. Чёрный пульсирующий... что-то.

— Он был в коридоре? — спросил Скар. — Говорил голосами мёртвых?

— Да.

Чайка посмотрела на него. В её взгляде было не удивление — узнавание. Тот самый момент, когда ты понимаешь: кошмар был не твой один.

— Тебе тоже?

— Всем нам, — ответил Скар. — Всем, кто был у «Сердца». Филину, Велесу, даже Коршуну, хотя он скрывает.

— Коршун здесь? — Чайка не поверила. Коршун — тот самый Коршун, который расстрелял своих людей, который ушёл в тень и которого считали мёртвым? — Здесь? На Кордоне?

— Пришёл ночью, — сказал Скар. — Хочет говорить. Говорит, что знает, где Первоисточник.

— И ты ему веришь?

Скар помолчал. Взял флягу, отхлебнул воды — не торопясь, давая себе время подумать.

— Не знаю, — ответил он наконец. — Но у нас нет выбора.

Он посмотрел на север, туда, где за брезентом палатки угадывалось серое, свинцовое небо. Зона была там — невидимая, но осязаемая. Как давление перед бурей.

— Зона расширяется, — сказал он тихо, будто самому себе. — Аномалии движутся на север. Киев — в двухстах километрах.

Он не договорил. Не нужно было. Киев. Савча. Катя. Пашка. Чайка встала. Натянула куртку — старую, штопаную, но тёплую. Проверила обрез — два патрона в стволе, один в магазине. Маловато.

— Тогда чего мы ждём?

— Сидора Лютого, — ответил Скар. — Он созывает совет. Всех, кто может помочь. «Авангард», «Легион», даже сектанты — все прислали посыльных.

— Сектанты? — Чайка усмехнулась. — Они же наши враги.

— Война меняет союзы, — ответил Скар. — А Зона меняет всё.

Он поднялся, поправил ляжку рюкзака, проверил автомат — привычное, почти медитативное движение человека, который слишком долго живёт с оружием.

Они вышли из палатки. Над Кордоном вставало солнце — бледное, зимнее, почти не греющее. Снег искрился под его лучами, слепил глаза. Снег был не тот, что в городе — рыхлый, подозрительный, с серым оттенком. В Зоне всё имеет оттенок серого. Воздух морозил ноздри. Пахло дымом, горелыми проводами и чем-то сладковатым — запахом, который Чайка уже научилась узнавать. Запахом близкой аномалии.

Люди уже проснулись. Кто-то чистил оружие, сидя на корточках у костра. Кто-то спорил у карточного стола — старые, пропахшие порохом карты, на которых пятна крови давно смешались с пятнами кофе. Кто-то молча смотрел на север, туда, где за горизонтом пульсировало невидимое глазу свечение.

Кордон жил своей жизнью. Грубой, опасной, но всё ещё жизнью. Но в этой жизни появилось что-то новое. Страх. Не тот, который был раньше — перед мутантами, аномалиями, сектантами. Другой. Вязкий, липкий, невыразимый словами. Страх перед неизвестностью. Перед тем, что нельзя убить выстрелом, что нельзя обойти стороной, что нельзя забыть, закрыв глаза.

Скар и Чайка пошли к вагончику Сидора Лютого. Сапоги скрипели по утрамбованному снегу. Где-то в лесу ухнул филин — или показалось. Начиналась новая глава. И Чайка почему-то была уверена: эта глава будет последней.

Глава 1. Паника

Вагончик Сидора Лютого был набит до отказа. Скар не видел такого скопления людей на Кордоне с тех пор, как в две тысячи двенадцатом чуть не случилась ядерная война. Тогда тоже все бегали, паниковали, скупали патроны и консервы — будто свинец и тушёнка могли защитить от ракет, летящих из-за океана. Потом обошлось. Политики разобрались. А сталкеры остались с пустыми карманами и полными схронами ненужного железа.

Сейчас было хуже. Потому что сейчас угроза была реальной. Осязаемой. Зона расширялась. Не слухами — фактами.

С каждым днём аномалии смещались на север на сотни метров. Контролёры выползали из старых бункеров. Даже кровососы, которые раньше держались в глубине, теперь бродили у самого Кордона, высматривая добычу. Три дня назад патруль «Авангарда» нашёл растерзанного сталкера в двух километрах от блокпоста. У него была вырвана гортань, а глаза превратились в две кровавые ямы. На груди — надпись, выцарапанная собственными ногтями: «ОНА ИДЁТ».

Скар вспомнил эту надпись, когда протискивался между плечом здоровяка в броне «Авангарда» и ящиком с патронами. Воздух внутри вагончика был спёртым, тяжёлым. Пахло потом, машинным маслом, дешёвым табаком и ещё чем-то сладковато-приторным — запахом страха, который невозможно описать словами, но можно узнать с закрытыми глазами. Скар знал этот запах. Он появлялся перед большими боями. Перед тем, как кто-то должен был умереть.

Сидор Лютый сидел за своим столом, как всегда — в очках с толстой роговой оправой, с сигаретой в зубах. Но сигарета тлела, он не затягивался — просто держал её, забыв. Пепел рос, готовый вот-вот упасть на разложенную перед ним карту Зоны. Очки блестели, отражая свет

керосиновой лампы. Под очками — красные, воспалённые глаза. Сидор не спал третьи сутки. В его возрасте это было опасно. Но в Зоне возраст переставал иметь значение — оставалось только два состояния: живой и не очень.

— Все собрались? — спросил Скар, входя.

Он остановился у порога, пропуская Чайку вперёд. Она скользнула внутрь, заняла место у стены — так, чтобы видеть всех и иметь путь к отступлению. Обрез держала стволом вниз, но палец был на спуске. Не давящий — готовый. Скар заметил, как её глаза быстро пробежали по лицам, оценивая, кто друг, кто враг, а кто — пока неизвестно.

— Почти, — ответил Сидор, не двигаясь. — Ждём только авангардовцев и легионеров. Сектанты прислали своего.

Скар замер. Рука сама собой легла на цевьё автомата — старый, рефлекторный жест, от которого он никогда не мог избавиться.

— Кого?

— Пастыря. Лично.

В вагончике стало тихо. Так тихо, что Скар слышал, как потрескивает фитиль лампы, как кто-то сглатывает в углу, как за стеной кто-то точит нож — монотонно, методично, как отсчёт секунд до взрыва.

— Пастырь здесь? На Кордоне?

— В двух шагах. — Сидор затаился наконец, выпустил дым в потолок. Дым пополз к трещине в стекле, высосался наружу. — Сидит в палатке у входа. Ждёт, когда мы его позовём. Без оружия. Один.

— Это ловушка, — сказал Скар.

Слова прозвучали резче, чем он хотел. Но он не извинился. В Зоне извинения не имеют цены. Имеют цену только факты. А факт был прост: Пастырь — лидер сектантов, которые поклоняются «Избранным» и считают Зону святым местом, никогда не выходил на контакт с другими группировками. Он был призраком — о нём слышали, но никто его не видел. И вдруг он приходит сам. Без оружия. Один. Это пахло не миром — это пахло большой, тщательно спланированной засадой.

— Возможно, — Сидор стряхнул пепел прямо на пол — там и так уже был слой окурков и грязи. — Но если нет — у нас есть шанс узнать, что происходит на самом деле.

Чайка стояла у входа, прислонившись спиной к косяку. Её глаза скользнули по лицам присутствующих — сталкеры, наёмники, одиночки, торговцы. Все они были здесь по разным причинам, но всех объединяло одно: страх. Страх перед Зоной, которая вдруг стала непредсказуемой. Страх перед будущим, которого, возможно, не будет. Страх перед тем, что они увидят, когда спустятся вниз.

Филин сидел на ящике с патронами — рядом, настороженный, бледный. За две недели на Кордоне он отъелся, окреп, но в глазах всё ещё жила та детская уязвимость, которую Зона выбивает не сразу. Скар заметил, как Филин теребит край разгрузки — нервный жест, о котором парень, наверное, сам не знал.

— А где Велес? — спросила Чайка.

— Ушёл в лес на рассвете, — ответил Сидор. — Сказал, что должен кое-что проверить. Вернётся к вечеру.

— Или не вернётся, — добавил Скар.

Сидор пожал плечами. Жест был усталым, почти равнодушным — он видел слишком много уходов и возвращений, чтобы волноваться за отдельно взятого сталкера.

— В Зоне никто ничего не гарантирует.

Первым в вагончик вошёл полковник Ермаков — командир отряда «Авангарда», тот самый, который отдал приказ на зачистку квартала семнадцать в Чечне.

Скар узнал его сразу, хотя они не виделись почти двадцать лет. Время не щадит никого, даже героев. Ермаков постарел, осунулся, лицо стало серым, как бетонные стены Припяти. Под глазами — мешки, на лбу — глубокая вертикальная морщина, будто кто-то рубанул ножом. Но выправка осталась — военная, командирская. И взгляд — цепкий, тяжёлый, привыкший смотреть на врага и не моргать.

За ним вошли двое бойцов в тяжёлой броне — «экзоскелеты» последнего поколения, с нашивками «Авангарда» на плечах. Они встали у двери, загородив собой выход. Скар заметил, как Чайка чуть сместилась, чтобы держать их в поле зрения.

— Старший лейтенант Шевцов, — сказал Ермаков, кивнув Скару.

— Полковник Ермаков, — ответил Скар.

Голос его был ровным, спокойным, но Чайка знала его достаточно хорошо, чтобы услышать в этом спокойствии сталь. Тонкую, острую, готовую в любой момент обнажиться.

— Вы не в моём подчинении, — сказал Ермаков. — Знаю. Но в Зоне другие законы. Здесь ты главный. Я — только советник.

— От «Авангарда»? — спросил Скар.

— От военных. — Ермаков сел на табуретку, кивнув Сидору на лампу — тот поправил фитиль, и свет стал чуть ярче. — Москва хочет знать, что происходит. И хочет, чтобы Зону остановили. Любой ценой.

— Любой ценой? — переспросил Скар.

Он медленно, тщательно выбирал слова, будто патроны перед дальней дорогой. В Зоне слова — тоже оружие. Неправильное слово может убить быстрее пули.

— Даже если цена — жизнь сталкеров?

Ермаков молчал. Долго. Так долго, что в вагончике стало слышно, как потрескивает фитиль лампы, как кто-то сглатывает в углу, как скрипят половицы под ногами бойцов. Скар смотрел на Ермакова и видел не полковника, не командира, не героя войны. Он видел человека, который уже принял решение — и теперь ищет способ оправдать его перед собой.

— Даже если, — ответил Ермаков наконец.

Следом вошёл командир «Легиона» — молодой, рыжий, в лёгком бронежилете и с нашивкой анархии на рукаве. Его звали Ворон. Он был известен тем, что не боялся спорить с авангардовцами и иногда даже стрелял в них — но не насмерть, скорее для остротки. И ещё он был известен тем, что всегда улыбался. Даже когда всё шло к чёрту.

Сейчас он не улыбался.

За ним вошли трое бойцов — без брони, в лёгких камуфляжах, с короткоствольными автоматами. Они рассредоточились по вагончику, заняв позиции у окон. Ворон подошёл к столу, сел на свободную табуретку, положил руки на колени.

— Слышал, ты у «Сердца» был, — сказал Ворон, глядя на Скара. — Расскажешь потом? У костра?

В его голосе не было вызова. Было уважение. Скар кивнул.

— Если выживем.

Ворон усмехнулся — той особенной усмешкой человека, который слишком часто слышал слово «если».

— Выживем. Я — живучий.

Последним вошёл Пастырь.

Белый балахон, капюшон откинут, лицо открытое. Мужчина лет сорока, с седыми висками и внимательными, светлыми глазами — такими светлыми, что в них хотелось смотреть, хотя ты и знал, что ничего хорошего не увидишь. Ни оружия, ни брони. Только чётки на поясе — из маленьких чёрных шариков, похожих на застывшие капли смолы.

Он двигался тихо, почти бесшумно — что для человека в Зоне странно, потому что даже опытные сталкеры выдают себя шорохом или скрипом. Пастырь скользил над полом, как призрак. Как тень. Как сама смерть, которая пришла посмотреть, кто будет следующим.

В вагончике стало тихо. Даже бойцы «Авангарда» замерли. Скар заметил, как Ермаков положил руку на кобуру — не вынимая пистолет, но готовый. Как Ворон переглянулся со своими людьми. Как Чайка чуть сильнее сжала обрез.

Пастырь сел на свободную табуретку, сложил руки на коленях. Чётки тихо звякнули — звук показался неестественно громким в этой тишине.

— Мир вам, — сказал он.

Голос у него был тихим, спокойным, почти домашним. Таким голосом утешают плачущих детей. Или добивают раненых.

— Здесь никто никому не желает мира, — ответил Скар. — Зачем пришёл?

Пастырь посмотрел на него. Взгляд был долгим, изучающим — как у врача, который ставит диагноз. Скар выдержал его. Он привык к таким взглядам. Слишком много людей смотрели на него как на загадку, которую нужно разгадать.

— Я пришёл сказать правду, — ответил Пастырь. — Зона расширяется не из-за «Сердца». «Сердце» спит. Его сны — всего лишь эхо. Настоящая причина — глубже.

— Первоисточник? — спросила Чайка.

Пастырь посмотрел на неё. В его внимательных, светлых глазах мелькнуло удивление — первая эмоция за весь вечер.

— Откуда ты знаешь это имя?

— Он приходил ко мне во сне, — ответила Чайка.

Она сказала это просто, как констатировала факт. Но Скар заметил, как побелели её пальцы на обрезе. Как чуть заметно дрогнул уголок губ. Как расширились зрачки — не от темноты, от страха.

Пастырь медленно кивнул. Свет лампы отразился от его лысеющей макушки.

— Тогда ты — та, кого он ищет. Та, кто может его остановить. Или разбудить навсегда.

— Остановить? — переспросил Скар.

Он подался вперёд, локтями упёрся в колени. Теперь его лицо было в трёх сантиметрах от лица Пастыря. Достаточно близко, чтобы увидеть каждую морщину, каждую пору, каждую капельку пота на лбу.

— Ты знаешь, как?

— Знаю, — ответил Пастырь. — Но цена высока. Очень высока. Не каждый готов заплатить.

— Называй цену, — сказал Скар.

Пастырь посмотрел на Чайку. Потом на Скара. Потом снова на Чайку. Взгляд его задержался на её лице чуть дольше, чем следовало — будто он что-то высчитывал, вычислял, взвешивал.

— Её жизнь. Или твоя. Первоисточнику нужна жертва. Тот, кто носил «Сердце». Тот, кто связан с ним кровью. Тот, кто готов отдать себя ради других.

— Это я, — сказал Скар.

— Нет, — сказала Чайка.

— Нет, — сказал Филин.

— Нет, — сказал Коршун.

Все обернулись.

Коршун вошёл в вагончик незаметно — Скар не услышал ни шагов, ни скрипа двери. Он просто появился из темноты, как призрак, как воспоминание, как боль, которая никогда не проходит. Стоял у двери, прислонившись к косяку, опираясь на трость.

Он изменился. За два месяца Коршун постарел на десять лет — седой, осунувшийся, с глубокими морщинами на лице, похожими на трещины в иссохшей земле. Глаза его были пустыми, как у человека, который потерял всё, что можно было потерять, и остался жив только потому, что забыл, как умирать. Левая рука слегка дрожала — нервное, неконтролируемое движение, которое он не мог скрыть.

— Я пойду, — сказал Коршун. — Не ты. Не она. Я.

— Почему? — спросил Скар.

— Потому что я — единственный, кто уже был там, — ответил Коршун.

Голос его был сухим, как пепел. Как земля в Зоне после пожара. Как кости, которые пролежали в земле тридцать лет.

— Я видел Первоисточник. Я говорил с ним. Он отказался взять меня. Сказал, что я — не тот, кто нужен.

— А кто нужен? — спросил Филин.

— Тот, кто связан с «Сердцем» кровью, — ответил Коршун. — Тот, кто нёс его в руках. Я не нёс. А Скар нёс. И Чайка — нет. Но она — сестра того, кто отдал жизнь за Зону.

Чайка побледнела. С лица отхлынула кровь, оставив кожу восковой, полупрозрачной, как бумага. Она смотрела на Коршуна, и в её глазах было что-то, чего Скар никогда не видел. Не страх. Не надежду. Отчаяние. Чистое, беспримесное отчаяние человека, который понял, что прошлое никогда не отпустит его.

— Моего брата?

— Он не умер в аномалии, — сказал Коршун. — Он вошёл в Первоисточник. Добровольно. Чтобы спасти тебя. Он говорил с тобой? Во сне?

Чайка кивнула. Кивок получился резким, почти судорожным — будто у неё свело шею.

— Тогда он ещё жив, — сказал Коршун. — Не как человек. Как голос. Как память. Как часть Зоны.

— Его можно вернуть? — спросила Чайка.

В голосе её прозвучало то, чего Скар не слышал никогда — надежда. Чистая, как слеза, и такая же хрупкая.

Коршун молчал. Долго. Так долго, что в вагончике кто-то закашлял, кто-то переступил с ноги на ногу, заскрипели половицы.

— Не знаю, — ответил он наконец. — Но можно попробовать.

Совет длился три часа.

Спорили о маршруте, о снаряжении, о том, кому идти, а кому остаться. «Авангард» хотел послать свой отряд — два десятка бойцов в тяжёлой броне, с пулемётами и гранатомётами. «Легион» — свой, поменьше, но более мобильный. Пастырь предлагал объединиться. Сидор торговался — хотел получить долю артефактов в обмен на информацию, и торговался он так яростно, как будто от этого зависела его жизнь.

Скар слушал, но почти не участвовал. Он смотрел на карту Зоны, разложенную на столе, и видел не линии, не отметки, не маршруты. Он видел смерть. Свою. Чайки. Филина. Коршуна. Пастыря. Он видел, как они идут по коридорам, как темнота смыкается за их спинами, как золотой свет Первоисточника ослепляет их в последний момент. Он видел всё это так ясно, будто уже пережил. И знал, что не может ничего изменить.

Воздух в вагончике стал невыносимым. Скар несколько раз выходил на улицу — дышал морозным, колючим воздухом, смотрел на север, туда, где за горизонтом угадывалось свечение. Потом возвращался обратно, и споры начинались заново.

В итоге решили: идут только добровольцы. Скар, Чайка, Филин, Велес (когда вернётся), Коршун и Пастырь. Семь человек. Семь душ, которые могли не вернуться. «Авангард» и «Легион» обеспечивают прикрытие — но не спускаются вниз. У них другая задача: сдерживать Зону на поверхности, не давать мутантам и аномалиям отрезать группе путь к отступлению.

— Это не война, — сказал Пастырь, когда все наконец замолчали.
Он поднялся с табуретки, поправил балахон. Чётки тихо звякнули.

— Это — искупление.

— Для кого? — спросил Скар.

— Для всех, — ответил Пастырь. — Для Зоны. Для «Сердца». Для тех, кто создал их.
Для тех, кто погиб. Для тех, кто выжил.

Он поклонился — медленно, торжественно, как на богослужении — и вышел.

Скар смотрел ему вслед, пока белый балахон не растаял в сумерках. Чайка взяла его за руку. Ладонь её была холодной.

— Ты ему веришь?

Скар молчал. В темноте за окном кто-то прошёл — тяжёлая поступь, звон металла.
Охрана сменилась.

— Нет, — ответил он наконец. — Но выбора у нас нет.

Они вышли из вагончика на закате.

Солнце садилось за лесом — красное, багровое, как рана на небе, прорезанная ржавым ножом. Облака на горизонте напоминали клубы дыма от далёкого пожара, хотя пожаров в Зоне не было — только аномалии, которые пылали невидимым огнём.

Снег под ногами скрипел — сухой, злой, не такой, как утром. Утренний снег был мягким, почти ласковым, он обещал тепло и покой. Вечерний снег предупреждал: что-то идёт. Что-то большое.

Где-то в лесу был волк — настоящий, лесной, не мутант. Странно. Мутанты давно вытеснили обычных зверей из обжитых мест, но старые волки всё ещё бродили по окраинам, помня те времена, когда Зоны не было. Скар остановился, прислушался. Вой был долгим, тоскливым — как плач по тому, что уже никогда не вернётся.

— Скар, — сказал Филин.

— Ммм?

— А если мы не вернёмся?

Скар остановился. Посмотрел на парня. Филин за два месяца изменился. Исчезла юношеская угловатость, плечи стали шире, движения — увереннее. Исчезла та детская наивность, с которой он смотрел на мир в их первую встречу. Теперь в его глазах была осторожность. И усталость — не физическая, душевная. Такая же, как у Скара. Но в глубине, на самом дне этих глаз, всё ещё горел тот же свет — надежда. Или глупость. Скар не мог различить.

— Если мы не вернёмся, — сказал Скар, — на Кордоне найдутся те, кто продолжит наше дело.

— Пашка? — спросил Филин.

— Пашка, — кивнул Скар. — Или кто-то другой, кто пока ещё не знает, что его ждёт.

— Ты веришь, что Зона когда-нибудь исчезнет?

Скар подумал. Настоящая, тяжёлая дума, как перед прыжком в неизвестность.

— Нет, — ответил он. — Но я верю, что люди смогут жить с ней. В мире. В согласии.
Не воюя.

— Утопия, — усмехнулся Филин.

— Возможно, — согласился Скар. — Но если не верить в утопию, зачем вообще жить?

Он пошёл к своей палатке. Чайка — за ним. Филин остался стоять, глядя на закат.

Ночью они сидели у костра, глядя на огонь. Спать не хотелось. Мысли мешали. Страхи мешали. Всё, что было сказано на совете, не выходило из головы — тяжёлое, липкое, как та самая тьма из пролога. Скар кидал в костёр сухие ветки. Смотрел, как они горят, как пламя лижет кору, как искры улетают в чёрное небо и гасят звёзды.

Чайка сидела рядом, прижавшись плечом. Она не говорила — просто была здесь. И этого было достаточно. Скар чувствовал тепло её тела — слабое, но настоящее, живое, человеческое. Оно напоминало ему, зачем он всё это делает. Не ради долга. Не ради Зоны. Ради неё.

— Скар, — сказала Чайка.

— Ммм.

— Если придётся выбирать — я или Зона, что ты выберешь?

Скар достал новую ветку. Треснула сухая кора. Капнула смола — чёрная, густая, как кровь.

— Ты, — ответил он. — Всегда ты.

— Даже если Зона уничтожит Киев?

— Даже если.

— Это эгоистично, — сказала Чайка.

— Знаю. — Он сунул ветку в огонь, и пламя радостно схватило её. — Но я устал быть героем. Хочу быть просто человеком.

Чайка взяла его за руку. Ладонь её была тёплой.

— Тогда будь.

Они сидели у костра до полуночи. Снег падал — белый, чистый, неторопливый. Снежинки кружились в свете костра, исчезали, не долетая до земли. Где-то в лесу ухнул филин — тот самый, который провожал их в прошлый раз. Или другой. Скар не мог различить. В Зоне вообще стало трудно различать — реальность от сна, своих от чужих, жизнь от смерти.

Он думал о том, что ждёт их внизу. О Первоисточнике, который видел во сне. О голосе матери, которого никогда не слышал, но который звал его из темноты. О Коршуне, который пожертвовал всем и ничего не получил взамен. О Коляне, который умер и вернулся тенью. О брате Чайки, который отдал жизнь ради сестры.

Все они были частью Зоны. Все они были частью его. И теперь он должен был решить, какую цену заплатить, чтобы всё это закончилось.

— Завтра идём, — сказал он.

— Знаю, — ответила Чайка.

— Боишься?

— С тобой — нет.

Скар усмехнулся — в этот раз почти по-настоящему, той редкой усмешкой, которая пряталась где-то глубоко, под слоями грязи, шрамов и сталкерской брони.

— А зря. Я сам боюсь.

Они пошли спать. Над Кордоном вставала луна — полная, жёлтая, как глаз хищника, который следит за добычей.

Утром они ушли.

Провожать собралась почти половина Кордона. Сталкеры, охранники, картёжники, повар Костя — тот самый, который кормил их борщом после возвращений. Даже Сидор Лютый вышел на крыльцо — без очков, с непривычно открытым, усталым лицом. Без очков он выглядел старше, слабее, человечнее.

— Вернитесь, — сказал он. — Все. Даже Коршун. У меня на него тоже планы.

— Какие? — спросил Коршун.

— Ты мне должен, — ответил Сидор. — За информацию. За убежище. За то, что не сдал военным.

Коршун усмехнулся — криво, безрадостно. Эта усмешка была его лицом последние двадцать лет.

— Если вернусь — заплачу.

— Если не вернёшься, — сказал Сидор, — я найду способ вытрясти долг из твоей тени.

Коршун развернулся и пошёл к лесу. Скар, Чайка, Филин и Пастырь — за ним. Снег под ногами скрипел — сухой, морозный, предутренний. Тени от сосен ложились на землю длинными, чёрными пальцами.

Велес ждал их у опушки. Старик сидел на поваленном дереве, поглаживая ворону. Птица дремала, закрыв глаза, но иногда открывала их — и тогда в чёрных бусинках вспыхивал неживой, слишком разумный блеск. Ворона чистила клюв.

— Я нашёл вход, — сказал Велес. — Туда, куда нам нужно.

— Ты ходил один? — спросил Скар.

— Я всегда хожу один, — ответил Велес. Голос его был скрипучим, как старая дверь, которую не открывали десятилетиями. — И всегда возвращаюсь.

— А сегодня вернёшься?

Велес посмотрел на него. Глаза его были светлыми, почти бесцветными, но в них читалось что-то тёплое. Мудрое. Грустное. То, что приходит только после долгих лет жизни, после сотен потерь, после тысяч принятых решений.

— Сегодня — да. Завтра — посмотрим.

Он встал. Ворона перелетела на плечо, уцепилась когтями за плащ-палатку.

— Пошли.

Он повернулся и пошёл в лес — легко, почти бесшумно, хотя ему было далеко за шестьдесят. Следы его ног на снегу были едва заметны — как у призрака. Скар поправил лямку рюкзака, проверил автомат. Передёрнул затвор — металлический щелчок, привычный и успокаивающий.

Чайка встала рядом. Обрез висел на ремне — старый «ТОЗ», надёжный, как швейцарские часы. Филин — за ними, сжимая свой Калашников. Пастырь — впереди, белый балахон мелькал между деревьями, как призрак. Коршун — последним, хромя на левую ногу. Трость оставляла в снегу глубокие ямки.

Скар посмотрел на север. Там, за горизонтом, пульсировал свет — слабый, едва заметный, но живой. Он звал. Он обещал. Он угрожал.

— Пошли, — сказал Скар.

Они шагнули в Зону. Лес сомкнулся за их спинами, как дверь, которую никто не собирался открывать.

Глава 2. Зов

Сны Чайки стали чаще. Раньше они приходили раз в неделю — образы брата, залитого кровью, голоса, зовущие из темноты, ощущение падения в бесконечный колодец, где нет дна, нет стен, нет даже времени — только пустота, которая сжимает грудную клетку, не давая вздохнуть. Теперь — каждую ночь. И не только ночью. Иногда днём, когда она сидела у костра или чистила оружие, реальность вдруг становилась зыбкой, как кисель, и перед глазами всплывали картины — чёрный зал, пульсирующая масса, голос, который называл её по имени.

И тогда она замирала с щёткой в руке, глядя в одну точку, и Филин окликал её два или три раза, прежде чем она приходила в себя.

«Чайка... Чайка... приходи... мы ждём...»

Она не рассказывала Скару. Боялась, что он запретит ей идти дальше. Боялась, что он будет прав.

Первый день пути выдался тяжёлым. Снег, который на Кордоне был просто глубоким, здесь, в глубине Зоны, превратился в смертельную ловушку. Под белой, обманчиво-чистой поверхностью скрывались аномалии — старые, забытые, никем не отмеченные на картах. Скар вёл группу, обходя их за версту, но даже он иногда останавливался, прислушиваясь к покалыванию в затылке, к металлическому привкусу во рту, к тому, как волоски на руках вставали дыбом.

Лес был мёртвым. Не в том смысле, что деревья не росли — росли, но какие-то неправильные, больные. Стволы сосен были покрыты чёрными маслянистыми наплывами, похожими на застывшую смолу, но смола пахла не хвоей — горелой проводкой и кровью. Ветки берёз свисали вниз, как плети, касаясь земли, хотя ветра не было. Птицы не пели. Звери не шуршали. Только иногда вдалеке раздавался звук, похожий на человеческий крик, — и тогда все замирали, сжимая оружие, но крик не повторялся.

Чайка шла второй, за Скарком. Ей нравилось это место — за его спиной, в трёх шагах, где она могла видеть его широкие плечи, его осторожные движения, его автомат, который он держал наготове, несмотря на кажущуюся тишину. Она знала: если кто-то выживет в этом аду, то это будет он. И она будет рядом.

— Ты плохо спишь, — сказал Филин на второй день пути, когда они остановились на привал у старого, полуразрушенного моста через замёрзшую реку.

Мост был старым, ещё советским, с проржавевшими перилами и досками настила, которые проваливались под ногами. Под ним — чёрная, застывшая гладь льда. Лёд был неровным, пузырчатым, как будто снизу кто-то дышал. Или что-то. Снег здесь был глубже, чем в других местах — намело сугробы выше человеческого роста. Ветер надувал их в форме волн, застывших посреди леса. Скар отправил Чайку и Филина собирать дрова, сам остался у костра, проверял карту и сверялся с компасом.

Чайка сидела на корточках у кучи хвороста, перебирала ветки, откладывая сухие в сторону. Руки замёрзли, даже через перчатки. Ветки были хрупкими, ломкими, как старые кости. Она старалась не думать о том, чьими могли быть эти кости.

— Не твоё дело, — ответила Чайка, не поднимая головы.

Голос прозвучал резче, чем она хотела. Но она не извинилась. В Зоне извинения не имеют цены. Имеет цену только правда. А правда была в том, что она боялась. Не Первоисточника — себя. Себя в том чёрном зале, с протянутой к пульсирующей массе рукой. Себя, готовой отдать всё ради призрака.

— Твоё дело — моё, — ответил Филин.

Он присел рядом, положил обрез на колени. Дуло смотрело в сторону леса — туда, где между стволами угадывалось движение. Или не угадывалось. Филин научился видеть то, чего нет — это было и его силой, и его проклятием.

— Мы в одной группе. Если ты начнёшь глючить в самый неподходящий момент, я должен знать.

Чайка подняла голову. Посмотрела на него долгим, изучающим взглядом.

Филин за два месяца изменился. Исчезла юношеская угловатость, движения стали плавнее, увереннее. Исчезла та детская наивность, с которой он смотрел на мир в их первую встречу. Теперь в его глазах была осторожность. Как у зверя, который слишком часто попадал в капканы и научился их обходить. И усталость — не физическая, душевная. Та, которая приходит после того, как увидишь, на что способны люди, когда заходит речь о выживании.

— Что с тобой случилось, пока нас не было? — спросила Чайка. — Ты стал другим.

Она не спрашивала из праздного любопытства. Она спрашивала, потому что в Зоне люди меняются быстро, и если ты не замечаешь этих изменений, однажды они убьют тебя.

Филин пожал плечами. Молодые, но уже тяжёлые плечи.

— Сидор учил. Торговаться, следить за людьми, не доверять первому встречному.

— И ты научился?

— Научился, — ответил Филин. — Но не всему. Ещё учусь.

Чайка усмехнулась. Коротко, безрадостно.

— Все мы ещё учимся.

Она взяла охапку дров, встала. Ветки хрустнули в охапке. Филин — следом.

— Так что со снами? — не отставал он.

Чайка остановилась. Посмотрела в сторону леса — туда, где за деревьями угадывался силуэт разрушенной водонапорной башни. Башня торчала над кронами, как сломанный палец. На её верхушке, в гнезде из ржавых прутьев арматуры, сидела ворона. Та самая? Чайка не была уверена.

— Он зовёт меня, — сказала она. — Первоисточник. Голосом брата.

Филин молчал. Он не спрашивал, кто такой Первоисточник. Он знал — из ночных кошмаров, которые тоже стали приходить чаще, из обрывков разговоров, которые он не должен был слышать, из той невыразимой тяжести, которая поселилась в груди после возвращения из первого похода.

— Ты знаешь, что это не он.

— Знаю. — Чайка пошла к костру. Снег скрипел под ботинками. — Но это не облегчает. Велес сидел у костра, поглаживал ворону, которая дремала у него на колене.

Птица была старой — Скар заметил это по её глазам, мутным, с белой каймой вокруг зрачков. Но клюв был острым, когти — длинными. Она не выглядела безобидной. Никто в Зоне не выглядел безобидным, даже птицы. Особенно птицы.

Велес был загадкой, которую Скар так и не смог разгадать. Старик появился в Зоне задолго до аварии — или после, никто не знал точно. Он жил в лесу, питался тем, что давала Зона, говорил с воронами и, как поговаривали, видел будущее. Скар не верил в предсказания, но Велес никогда не ошибался. Ни разу за десять лет.

— Ты знал брата Чайки? — спросил Скар, когда девушки не было рядом.

Она ушла за хворостом, и Скар воспользовался моментом. Не из любопытства — из необходимости. В Зоне информация — это оружие. Иногда единственное.

Велес поднял голову. Глаза его были светлыми, почти прозрачными — как у человека, который слишком долго смотрел на снег. Или на что-то похуже.

— Знал, — ответил он. Голос его шуршал, как сухая трава под ногами. — Он был хорошим сталкером. Не лучшим, но хорошим. Он любил сестру. И он любил Зону.

— Почему он вошёл в Первоисточник?

— Чтобы спасти её, — ответил Велес. — Он думал, что она больна. Лучевая болезнь. Он ошибался. Но к тому времени, когда понял это, было поздно.

— Ты видел его?

— Видел. — Велес помолчал. Где-то в лесу треснула ветка — то ли зверь, то ли аномалия. — Он уходил в аномалию с улыбкой на лице. Не той, какой улыбаются перед смертью. Другой. Спокойной. Как будто он знал, что всё будет хорошо.

— И что? Было хорошо?

— Для него — да. Для неё — нет.

Ворона открыла глаза, каркнула — тихо, горлово, как старый прокуренный мужик. Карканье эхом разнеслось по лесу — не громко, но как-то слишком отчётливо, слишком целенаправленно. Будто птица говорила. Велес погладил её по голове.

— Она говорит, что вы должны вернуться, — сказал он. — Все.

— Твоя ворона? — удивился Скар.

— Моя ворона, — ответил Велес. — Она старше меня. И умнее. Я слушаюсь её.

Скар усмехнулся. Пламя костра отразилось от его скул, высветило морщины, которых раньше не было.

— Я слушаюсь только себя.

— Зря, — ответил Велес. — Себя слушаться опасно. Себя нельзя обмануть.

Ночью они разбили лагерь в старом заброшенном ангаре. Ангар стоял на краю поля, вросший в землю по самые окна. Раньше здесь, наверное, хранили технику — комбайны, тракторы, ту самую советскую мощь, которая должна была кормить страну. Теперь техника сгнила, увезли на металлолом или так и осталась ржаветь где-то в глубине Зоны. Крыша провалилась в

нескольких местах, но стены держались — бетонные, толстые, с нанесённой поверх них мозаикой. На мозаике был изображён рабочий с молотом и колосья пшеницы — символ советского труда. Лозунг внизу почти стёрся, остались только обрывки: «...будет счастливым...»

Скар развёл костёр в металлической бочке, стоявшей в углу. Пламя осветило ржавые конструкции, старые ящики, куски арматуры. Тени прыгали по стенам, превращаясь в чудовищ.

— Здесь кто-то жил, — сказал Филин, показывая на спальный мешок, брошенный у стены.

Мешок был старым, драным, с выцветшими пятнами. С пятнами, которые могли быть чем угодно — грязью, ржавчиной, кровью.

— Сталкер, — ответил Скар. — Одиночка. Ушёл и не вернулся.

— Или вернётся, — сказал Пастырь.

Он сидел чуть поодаль, в тени колонны. Белый балахон его светился в темноте, как привидение. Скар не любил, когда кто-то сидел в тени. Это означало, что он не видит лица. А невидящее лицо — это потенциальная угроза.

— Ты веришь в возвращения? — спросил Скар.

— Я верю в то, что Зона не забирает навсегда, — ответил Пастырь. — Она берёт в долг. А когда-нибудь отдаёт.

— Что отдаёт? — спросила Чайка.

— Тех, кого мы потеряли. — Пастырь посмотрел на неё. В его светлых глазах отражался огонь — слабо, почти незаметно. — Твоего брата. Наших братьев. Всех, кто стал частью Зоны.

— Ты был у Первоисточника? — спросил Скар. Вопрос прозвучал как выстрел.

— Был, — ответил Пастырь. — Я спускался туда пять лет назад. Один. Без оружия, без защиты. Я хотел доказать, что не боюсь.

— И что? Доказал?

— Я понял, что бояться нечего. — Пастырь помолчал. Где-то над крышей ангара завыл ветер — тоскливо, протяжно, как будто Зона плакала. — Первоисточник не враг. Он — свидетель. Он помнит всё, что случилось в Зоне с момента её рождения. Каждую смерть, каждый крик, каждую надежду. Он хранит это в себе. И иногда — возвращает.

— Как? — спросил Филин.

— Как сон, — ответил Пастырь. — Как видение. Как голос, который шепчет тебе на ухо в самый неподходящий момент.

— Ты слышал его? — спросил Скар.

— Слышал. — Пастырь опустил голову. Балахон упал складками, скрыв лицо. — И до сих пор слышу. Каждую ночь.

В полночь Чайка проснулась от того, что кто-то тряс её за плечо. Рука была тяжёлой, уверенной. Скар.

— Тихо, — сказал он. — Не кричи.

Она села. Сердце колотилось, как бешеное — так, что она слышала его удары в висках, в горле, в кончиках пальцев. Лоб был мокрым от пота, несмотря на холод. Спальник промок насквозь — будто она не спала, а лежала в воде.

— Опять? — спросил Скар.

В его голосе не было жалости. Было понимание. Он тоже видел эти сны. Он тоже слышал голоса. Но он научился не просыпаться с криком — или просто перестал кричать.

— Опять, — ответила она.

— Что видел?

— Зал. Чёрный, пульсирующий. И голос.

— Тот же?

— Тот же. — Чайка вытерла лицо рукавом. Рукав был влажным, холодным. — Он говорит, что я должна прийти. Что только я могу остановить расширение.

— Ты веришь?

— Не знаю. — Она посмотрела на него. В темноте глаза Скара блестели, как у волка.
— А ты?

— Я верю, что Первоисточник хочет использовать тебя, — ответил Скар. — Как хочет использовать всех, кто к нему приближается.

— А тебя? Он звал тебя?

— Звал, — признался Скар. — Голосом матери. Но я не пошёл.

— Почему?

— Потому что она умерла при родах. Я никогда её не знал. Значит, тот голос не мог быть её настоящим.

Чайка молчала. Смотрела на огонь, который догорал в металлической бочке. Угли тлели красными глазницами.

— А мой брат? Я знала его. Я помню его голос. Как отличить? Как понять, что это не он?

— Никак, — ответил Скар. Жестоко. Честно. — Поэтому мы идём туда. Чтобы узнать правду.

— А если правда окажется хуже лжи?

— Тогда будем жить с этим. Как живём со всем остальным.

Он встал, поправил лямку рюкзака. Тени прыгнули по стенам.

— Спи. Завтра тяжёлый день.

— С тобой? — спросила Чайка.

— С тобой, — ответил Скар.

На рассвете к лагерю пришла Ведьма.

Скар не понял, как она подошла. Охраны не было — Филин спал, привалившись к ржавому ящику, Велес дремал, сидя на корточках, Пастырь тихо молился, повернувшись лицом к стене. Чайка то ли спала, то ли не спала, лежала с открытыми глазами, глядя в потолок с дырами.

Ведьма появилась из тумана, как привидение. Туман был плотным, молочным, он стелился по земле, скрывая следы. Ведьма шла по нему, не касаясь земли — или просто Скару показалось. Высокая. Худая. В длинном чёрном плаще с капюшоном. Лица не было видно — только глаза. Глаза горели — зеленоватым, неестественным светом, как у кошки в темноте.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.